

не делал этого с такой резкостью. В письме к жене в феврале 1875 года Достоевский назвал Страхова «скверным семинаристом». Но ведь это в период самого сильного охлаждения отношений Достоевского со Страховым (и Майковым) из-за печатания романа «Подросток» в «Отечественных записках», в особую минуту вырвавшееся. «Происхождение» Страхова сомнения не вызывает, в семинарии он формировался как личность и как литератор, и «семинарские» черты, присущие ему, Достоевским не без основания отмечены, хотя и оценены отрицательно, что представляется предвзятой и односторонней точкой зрения (кстати, о «семинаризме» и сам Страхов иногда отзывался неодобрительно⁸⁷). К «семинаристам», как очевидно, Достоевский должен был отнести и многих представителей своего рода (в том числе деда по отцовской линии), а следовательно, отчасти и себя. Вне сомнения, однако, настороженное и скептическое отношение Достоевского к духовному сословию. Это сказалось и в эпиграмме на Лескова, и в ряде записей в его тетрадах, одна из которых находится в близком соседстве с приведенным ранее портретом Страхова: «Это была натура русского священника в полном смысле, то есть матерьяльная выгода на первом плане и за сим — уклончивость и осторожность» (24, 243).

Новая запись, безусловно, связана с размышлениями о Страхове в другой заметке, где речь идет о семинаристе, типизированном, и не только «литературном», и не только современном — проект будущей главки очередного выпуска «Дневника писателя»: «Семинарист, сын попа, составляющего *status in statu*, а теперь уж и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. Он обирает народ, платьем различается от других сословий, а проповедью давно уже не сообщается с ними. Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на всё желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он много внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно. Сперанскому ничего не стоило проектировать создание у нас сословий, по примеру английского, лордов и буржуазию и проч. С уничтожением помещиков семинарист мигом у нас воцарился и наделал много вреда отвлеченным пониманием и толкованием вещей и текущего» (24, 241).

Можно сказать, обычный для Достоевского метод творчества — прослеживаются все стадии развития темы, кроме последней: очерк о семинаристе, как типе, не будет осуществлен, но и бесследно не исчезнет: пригодится при создании образа Ракитина в «Братьях Карамазовых». Страхов с такими приемами (он их называл фельетонными, «французскими») творчества Достоевского был хорошо знаком, но столь бесцеремонное и язвительное обращение с его персоной, вне сомнения, не могло самым болезненным образом

⁸⁷ В письме Толстому от 25 мая 1881 года Страхов, коротко пересказывая историю многолетней борьбы с нигилизмом, вспоминает и «семинарский дух»: «Петербургский люд с его складом ума и сердца и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского, Антоновича, Добролюбова, Благосветлова, Елисеева и пр. — главных проповедников нигилизма, — все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мыслей и литературы — ищу настоящей мысли, настоящего чувства, настоящего дела — и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет, только это действует, только это может надеяться на будущность, а все другое глохнет и чахнет» (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 606).